Пугачёва Алла 20.08.97

Борисовна

Общая газета - 1997 - 14-20 авг. - с. 10

Книжный рынок сейчас затарен «литературой для масс». В море детективов и любовных романов нелегко выбрать настоящий бестселлер. В августе, обогнав суперуспешную Маринину, «хитом» продаж стала выпущенная издательством «Захаров-Вагриус» книга журналиста Алексея Белякова «Алка, Аллочка, Алла Борисовна», роман-биография Аллы Пугачевой. Обозреватель «Общей газеты», известный театральный критик Александр СОКОЛЯНСКИЙ предлагает свой взгляд на самую народную артистку.

Если выбирать из народных артисток России «самую народную», я бы назвал имя Аллы Пугачевой. Без колебаний и оговорок: не я выбирал, а народ, присвоив Пугачевой право на ношение имени-отчества. Иметь в народном сознании отчество – честь особая.

Борисовна: звучит почтительней любого титула (куда там сэру Лоуренсу Оливье!), но и нежней, чем уменьшительно-ласкательное **Аллочка**. В поисках похожей интонации можно вспомнить лишь передачу «Спокойной ночи, малыши!» – Хрюша и Степашка примерно так встречали обожаемую **тетю Валю**: вот она наконец пришла, сейчас всех помирит, все объяснит и покажет мультик.

К звездам, тем более к поп-звездам, так не относятся. Звезда может быть кем угодно, но только не тетей. Звезд полагается обожать, но обожание полностью вытесняет уважение. В отношениях между поклонником и кумиром есть место восторгу, страсти, самопожертвованию; чему нет места – так это признанию чужого человеческого достоинства. Достаточно вспомнить, как мало в этих отношениях ценится право на приватную жизнь, на то самое «личное время», минимум которого гарантирован и солдату в казарме, и даже рабу.

Впрочем, чересчур драматизировать ситуацию не следует. Пусть притязания поклонников наивны, пусть даже неприличны – кто назовет их неправомерными, тот сильно ошибется. Они включены в стратегию шоу-бизнеса. Манить и не подпускать, раскрываться и уходить от контакта со всей решительностью – долг звезды. Эксцессы и скандалы в этой ситуации, по сути, провоцируются обеими сторонами: они неизбежны и входят в ритм жизни, как «планируемые травмы» у горнолыжников и как драки на поле у хоккеистов.

Пугачева знает это лучше всех. Именно поэтому из ее свадьбы с Филиппом Киркоровым было устроено всенародное гала-представление. Веселая беззастенчивость, с которой Алла и Филипп объяснялись друг другу в любви на глазах у млеющих миллионов, должна быть понята как проявление замечательной душевной деликатности. Защищая свои чувства от назойливых домыслов и сплетен, они выставили их напоказ — и не с вызовом (боже упаси!), а с мажорным азартом. Ничего лучшего просто нельзя было придумать. Этого и хотелось: чтобы брачный клич «зайка моя!» в переводе с общеупотребительного языка на свой, сокровенный, звучал примерно как «гений чистой красоты». Конечно, на аудиторию щедро изливалось кукольное чувство, мультяшкино счастье – с этим надо смириться, поняв: все самое глубокое и самое серьезное спрятано тут же. И даже не до конца спрятано: виден краешек.

Неугомонное мальчишество Киркорова – может, всего лишь эстрадный имидж. Но так или иначе подразумевается, что это большое, кучерявое, взбалмошное дитя нуждается не просто в женской, а, если угодно, в материнской ласке. Но развивать эту тему было бы бесцеремонно.

Любовь к преувеличенной яркости, бурному веселью, раскованному чувству и, в то же время, истовая серьезность, даже драматизм мироощущения, то вуалируемая, то оголенная, ведь именно это и звучало всю жизнь в песнях Аллы Пугачевой. Это ее тема и ее правда о самой себе. И этим обеспечено ее дивное, бесспорное первенство.

Тут нужна оговорка. «Вуалируемая» – это вовсе не значит, что под забавной куражливой маской певица скрывает свое истинное лицо. Певица ровно ничего не скрывает, напротив: самое поразительное в пении Пугачевой – это внятность чувств, полная высказанность. У Пугачевой печаль не всегда проступает сквозь кураж и бесшабашность: иногда и наоборот. Проказница Пугачева не менее подлинна, чем Пугачева-печальница.

В самых развеселых ее песнях («Посидим, поокаем», «Все могут короли», «Эй вы там, наверху», вплоть до «Настоящего полковника») присутствует мотив одиночества, оставленности, жизненной неудачи. Зато лирическая жалоба: «Вы не верьте, что живу я, как в раю, что обходит стороной меня беда» – вызывает не то чтобы недоверие, но... Нечто похожее написано у Хармса: «Послушайте, друзья! Нельзя же в самом деле передо мной так преклоняться. Я такой же, как и вы все, только лучше».

Быть любимой и чувствовать себя до боли непонятой, блистать всем на радость и томиться одиночеством, а сверх всего верить в свое призвание – это так понятно и так привычно героиням ее песен! Впрочем, и героям тоже: для Пугачевой часто не было разницы, о «нем» или о «ней» песня. Это неважно, если песня – о главном.

«Примадонна», посвященная Людмиле Гурченко, не просто программная, но, скажем так, образцово-«пугачевская» песня. Об ее достоинствах можно спорить (концентраты редко бывают хороши на вкус) – но важнее обдумать посвящение. Алла Пугачева, со свойственной ей чуткостью, поняла: воспевать жизнь сверкающей Примадонны как одинокий подвиг, напоминать о «невидимых миру слезах», развивая свою личную тему, она уже не вправе. Ведь судьба наконец дала «женщине, которая поет», все, о чем можно было просить. Чтобы сохранить искренность, нужно было найти «женщину, про которую поют», – и выбор сделан отменно.

Лет десять назад критик Сергей Николаевич, мастер актерского портрета, опубликовал «Открытое письмо Алле Пугачевой» – признавался в любви и, пользуясь правами любящего, грустно корил за первые признаки «примадонства»: за чересчур шикарные костюмы, патетические жесты и всякие красивости. Молодая Пугачева – бурливая, бедовая, ошеломляюще неофициальная – сумела пленить тех, кто раньше зажимал нос при словах «советская эстрада». Изменившаяся – с «миллионом алых роз», знойными бразильскими страстями и посягательствами на Мандельштама (избрать которого в песенники было верхом поэтической глухоты), – в сущности, изменила самым умным из своих поклонников. Она проигрывала во всех отношениях, кроме одного: именно в это время Пугачева окончательно покоряла широкую аудиторию. Она создавала большой эстрадный стиль, не боясь показаться напыщенной и даже вульгарной прежним, тонким – слишком тонким – ценителям. Что же сказать: правильно не боялась.

К чести Пугачевой: она редко пересаливала. Ее выручал не столько личный вкус, сколько голос. Естественным образом теряя звонкость, он не утратил ни гибкости, ни выразительности, ни призывности. Чем тоньше и богаче техника, тем проще балансировать на краю вульгарности, в зоне всеобщей доступности – там, где искусство принадлежит народу, оставаясь искусством.

Можно удивляться тому, как точно она угадывала и как безбоязненно принимала будущее – не только на сцене, но и в жизни. Еще удивительнее то, как много Алла Пугачева сохранила от себя прежней – порывистую энергию, независимость, раскованность, любовь к дерзким шуткам. И самое главное – любовь к прежним соединениям буффонады, чувственности и напряженного драматизма.

Конечно, она не могла не проникнуться симпатией к Борису Моисееву, гордо заявляющему: «Я – шут народа». Конечно, она увидела в нем нового Арлекино, брата по духу и почти преемника. Смею сказать, что Моисеев не годится в преемники (и вообще мало на что годится). По смыслу творчества он близок Пугачевой, но в смысле техники самое лучшее, что он умеет, – это отвлекать внимание от своих профессиональных дефектов.

У Аллы Пугачевой вообще не может быть прямого преемника. Для этого ее жизнь в искусстве слишком значительна. Ни у Утесова, ни у Шульженко, ни у Высоцкого преемников не было: это не драма, это – норма. Некому оспорить и канон Пугачевой, посягнуть на ее трон.

Дело не в измельчании людей, а в изменившемся способе существования. Обаятельная, энергичная и довольная собою посредственность – любимый герой сегодняшнего эстрадного мира. Другого не надо. Вероятно, это еще надолго – и еще долго будет непререкаемым первенство Аллы Пугачевой, сколько бы раз она ни уходила со сцены. Надеюсь, данное обстоятельство не помешает Алле Борисовне жить счастливо.